

♦ ЛЮСИ УОРСЛИ ♦

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА
«АНГЛИЙСКИЙ ДОМ. ИНТИМНАЯ ИСТОРИЯ»

Чисто

БРИТАНСКОЕ УБИЙСТВО

УДИВИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ОДЕРЖИМОСТИ

Люси Уорсли

**Чисто британское убийство.
Удивительная история
национальной одержимости**

Издательство «Синдбад»

2013

УДК 392.2
ББК 63.3.-7(4Вел)

Уорсли Л.

Чисто британское убийство. Удивительная история национальной одержимости / Л. Уорсли — Издательство «Синдбад», 2013

ISBN 978-5-00131-288-8

В этой книге Люси Уорсли, английский историк, автор целого ряда бестселлеров на исторические темы, рассказывает, как убийство – темное, постыдное деяние, последнее средство отчаявшихся или подлое оружие негодяев – стало британской национальной одержимостью. Она показывает, как это увлечение привело к возникновению целого нового мира развлечений, включающего детективные романы и пьесы, живопись и кинофильмы, поэтические произведения и документальную криминальную журналистику. У нее получилась захватывающая история о том, как преступление превратили в искусство. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 392.2
ББК 63.3.-7(4Вел)

ISBN 978-5-00131-288-8

© Уорсли Л., 2013
© Издательство «Синдбад», 2013

Содержание

Введение	6
Часть первая	9
1	9
2	15
3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Люси Уорсли

Чисто британское убийство

Убийство багровой нитью проходит сквозь бесцветную пряжу жизни, и наш долг – распутать эту нить, отделить ее и обнажить дюйм за дюймом¹.

Шерлок Холмс

Lucy Worsley

A VERY BRITISH MURDER

Text © Lucy Worsley 2013

This book is published to accompany the television series entitled A Very British Murder, first broadcast on BBC4 in 2013.

Published in the Russian language by arrangement with *BBC Books, an imprint of Ebury Publishing* and *Synopsis Literary Agency*

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2020

© Издание на русском языке, перевод на русский язык. Издательство «Синдбад», 2020.

Введение

Воскресный день, по преимуществу предвоенный. Забравшись с ногами на диван, водрузив на нос очки, вы раскрываете The News of the World. Чашка крепкого буро-коричневого чая создает верный настрой. Мягкие диванные подушки, уютно потрескивающий в камине огонь. Теплая, чуть затхлая атмосфера. О чем хочется почитать в такой отраднейшей обстановке? Конечно же, об убийствах!
Джордж Оруэлл. Закат английского убийства (1946)

В эссе «Закат английского убийства» Джордж Оруэлл описывает наиболее убедительный и привычный нам тип убийцы – в идеале это адвокат или доктор, глава местных консерваторов или непримиримый борец за трезвый образ жизни. К преступлению его приводит страсть к секретарше, но основной побудительной причиной становится страх общественного осуждения: ему легче отравить собственную жену, чем перенести скандал развода с ней. Архетип убийцы, по Оруэллу, – маленький человек, заблудший, но тихий и респектабельный, весьма похожий на доктора Криппена².

Но так было не всегда. В конце XVIII – начале XIX века убийца предстал в глазах публики фигурой скорее героической, окруженной неким романтическим ореолом, – благородным разбойником или же, возможно, харизматичным заядлым преступником, раскаивающимся на эшафоте. Нередко таких преступников удавалось лицезреть собственными глазами на многолюдных и пользовавшихся особой популярностью в народе публичных казнях. Напротив, в наши дни излюбленный тип воображаемого преступника – фигура куда менее уютная и вполне устрашающая, никак не вписывающаяся в картину Оруэлла. Романские преступники теперь – это психопатичные серийные убийцы и отрицающие все и вся нигилисты, совершающие преступления немотивированные и оттого более страшные.

Моя книга – не о реальных убийцах и посвящена не истории преступлений, хотя в ходе повествования мы неизбежно будем этого касаться. Я собираюсь исследовать то *удовольствие*, с каким британцы воспринимают, поглощают и усваивают идею убийства как такового, – явление, возникшее в начале XIX века и сохранившееся по сей день.

Соответственно ставим мы и временные рамки, ознаменовывать которые призваны писатели. Начнем мы с Томаса Де Квинси, писателя Георгианской эпохи, автора эссе «Убийство как одно из изящных искусств». Источником вдохновения ему послужили относящиеся к 1811 году так называемые убийства на Рэтклиффской дороге, положившие начало мрачной

² Доктор Криппен, чье имя стало нарицательным, в 1910 году после шумевшего процесса был казнен за убийство жены.

связи между живописаниями убийств и взлетом газетных тиражей. Закончим же книгу мы, обратившись к эссе Оруэлла, в котором он сокрушается о падении «качества» британских убийств и распространенности преступника иного рода – более жестокого, пренебрегающего хорошими манерами, преступника «американизированного». Оба писателя, разумеется, рассматривают наслаждение убийством, смакование его как повод для сатиры и в то же время как дело прибыльное и коммерчески весьма успешное.

В Викторианскую эпоху чем дальше, тем больше популярность приобретали биографии убийц. В 1849 году целых два с половиной миллиона читателей соблазнились покупкой скоропалительно состряпанных «подлинных мемуаров» Марии Мэннинг, «леди Макбет из Бермондси», причастной к убийству собственного любовника, чье тело они с мужем погребли под полом кухни. В разгар холерной эпидемии все умы занимала история Мэннинг. Казнь ее собрала толпы зрителей, в числе которых был и Чарльз Диккенс, ужаснувшийся увиденному и тем не менее использовавший Марию в качестве прототипа убийцы в своем «Холодном доме».

Казнь Марии Мэннинг – один из последних случаев, когда публичному лишению жизни через повешение подверглась женщина. Впоследствии публика могла лицезреть фигуры убийц в псевдонаучном Кабинете сравнительной физиогномики, известном также как Комната ужасов Музея мадам Тюссо. До сих пор можно наблюдать сцены знаменитых преступлений в представлениях уличного театра, на лондонских подмостках, в спектаклях театра кукол. Убийства превратились в предмет купли-продажи, как, например, мои любимые керамические фигурки в виде домов, ставших местом громких убийств.

Собирая материал для книги, я одновременно снимала телесериал на ту же тему, с особым удовольствием запечатлевая причудливые и разнообразные артефакты, порожденные интересом общества потребления к убийству и откликом на него. Со странным трепетом вертела я в руках весы, на которых отмерял дозу опиума пристрастившийся к нему Томас Де Квинси. Вторично лишала жизни Марию Мартен, дочь кротолова из Саффолка, погребенную в 1828 году в амбаре под слоем зерна, когда в Музее Виктории и Альберта приводила в движение марионеток XIX века, изображавших Марию и ее убийцу Уильяма Кордера. С особым мрачным волнением прикасалась я к подлинному скальпу Кордера и его сморщенному уху. Экспонат был выставлен на всеобщее обозрение с самого дня казни и по сей день хранится в музее Бери-Сент-Эдмундса. Незабываемым впечатлением стал для меня тот момент, когда, оказавшись в Комнате ужасов в нерабочее время, я вблизи увидела восковую фигуру доктора Криппена, извлеченную из своей ниши, и смогла заглянуть ей в глаза. Такие переживания будоражат, потрясают и дарят ни с чем не сравнимое истинное волнение.

Выход на авансцену массовой культуры образа убийцы как в зеркале отразился в возросшей популярности личности детектива. Встречали его, а впоследствии и ее с подозрительностью, вызванной бытующим смутным представлением о том, что негоже британцу шпионить за людьми. Постепенно общество научилось полагаться на мастерство профессиональных следователей и ценить их работу, но симпатии авторов романов остаются на стороне сыщиков-любителей. Мне особенно симпатичен тип девушки, выросшей в убеждении, что именно ей суждено стать живым воплощением Гарриет Вейн из романов, где действует лорд Питер Уимзи. Использование образа женщины-ищейки позволяло авторам романов разрушать всевозможные табу и выводить своих героев за рамки привычных классовых и бытовых ограничений. Женщины-детективы выслеживали подозреваемых, скрываясь под масками, шпионили и, употребив природный ум, исправляли ошибки следствия. В Викторианскую эпоху женщины-преступницы, реальные и выдуманные авторами романов, служили примером страстей и чаяний, не находящих выражения в обществе.

В настоящее время совершенно очевидно, что «искусство» убивать, каким предстает оно в театре, песнях, рассказах, романах и газетных статьях, отражает подспудные страхи общества перед темными его задворками. Рэтклиффские убийства были сопряжены со страхом перед

разрастанием городов, угрозой проникновения чуждого уклада и злодеяниями хищника-отщепенца на плохо освещенных окраинных улицах. Но по мере того как шел и мужал век девятнадцатый, убийство получило распространение уже и в среде городской буржуазии. Изобретение разных видов ядов и возникновение таких сфер деятельности, как, например, страхование жизни, предоставляли широкие возможности (и новые мотивы) для совершения преступлений. Шерлока Холмса мы привычно рисуем себе в свете газовых фонарей и ассоциируем с двухколесными экипажами и притонами курильщиков опиума, в то время как множество раз дела, которыми он занимался, вписывали его фигуру в антураж Лезерхеда, Эшера или Окшота, усадеб, именовавшихся «Глициниевая сторожка», «Чилтернская мыза» или «Мирты», и, чтобы раскрыть преступление, ему нередко требовалось покинуть Бейкер-стрит и Лондон и отправиться в провинцию на поезде.

В начале XIX века убийцы из среды зажиточного сословия могли рассчитывать на то, что почтение, испытываемое властями к самому их статусу, уберет их и от закона. Но Викторианская эпоха все чаще видит убийц – мужчин и женщин из средних слоев общества – пойманными и изобличенными. И чем дальше, тем больше именно они – так заботящиеся о том, чтобы сохранить видимость респектабельности, – становятся героями произведений Агаты Кристи, Дороти Ли Сэйерс, Марджери Аллингем, Найо Марш и других великих создателей детективов начала XX столетия.

Их мир – это патриархальный и упорядоченный уклад загородных усадеб и коттеджей, населенных читателями *The Daily Mail*. В почву этого узкого мирка творцы золотого века детектива бросали семена страсти и насилия. На сцену этого легкого чтения, расхвалившегося тиражами в десятки тысяч экземпляров, выходил герой-сыщик; он убирал с глаз долой труп, раскрывал тайну преступления, наказывал зло и старательно подчищал и сводил на нет все нестыковки. В годы, последовавшие за Первой мировой, читателям требовались сюжеты скорее усыпляющие, умиротворяющие, нежели будоражащие, – испытывать ужас люди не желали и в дополнительных стимулах для этого не нуждались.

Но в 1939 году проникательные старые дамы, разрешающие все загадки в домах викариев, стали казаться публике какими-то уж чересчур уютно-пресными. Грэм Грин с его прозрениями и пристальным вглядыванием в психику убийцы и отчаянно смелый Джеймс Бонд превратили героинь детективов прежних лет в нечто старомодное, наподобие старых калош. Детективы старого образца еще ковыляют по страницам романов, но после Второй мировой войны их совершенно затмили куда менее приятные, более жесткие и энергичные их коллеги.

В наши дни, хотя каждая третья проданная книга все еще детектив, публика смотрит на такого рода литературу как на что-то вторичное, низкопробное и презирует ее за упрощенность содержания, где добро всегда торжествует над злом. И все же незамысловатый жанр детектива несет и положительную нагрузку, приучая простой рабочий люд находить удовольствие в чтении. При всем отсутствии особых художественных достоинств популярность детективов, книг об убийствах наглядно демонстрирует: то, что публика полагает необходимым читать, и то, что она *читает в действительности*, – это разные вещи.

В самую идею запретного удовольствия проникла Дороти Ли Сэйерс, чистосердечно признавшись еще перед войной: «Похоже, смерть для англосаксов – источник самого большого удовольствия, забавляющий их сильнее всех прочих тем». После трудного рабочего дня, сунув ноги в шлепанцы, можно немного расслабиться... и вот уже двести лет тема убийства дарит читателям комфорт и возможность релаксации. Попробуем понять, почему это так.

Часть первая

Как наслаждаться убийством

1

Ценитель убийства

На тысячу лет был я погребен в каменных саркофагах, вместе с мумиями и сфинксами, в узких коридорах, в сердце вековых пирамид. Крокодилы дарили мне смертельные поцелуи; я лежал в мерзкой слизи, среди тростника и нильской тины³.

Томас Де Квинси. Исповедь англичанина, любителя опиума (1821)

Во время своей поездки в Лондон в 1804 году студент Вустерского колледжа Оксфордского университета мучился «ревматической» головной болью, вызванной, как он полагал, тем, что он лег спать, не высушив волосы. Страдая подобным образом уже дней двадцать кряду, он случайно встретил на улице знакомого по колледжу, который и посоветовал ему полечиться опиумом.

До конца жизни с особой четкостью и ясностью помнились Томасу Де Квинси восхитительные перемены, последовавшие за случайной встречей, произошедшей в серый и промозглый день в конце той недели. Хотя тогда он этого и не понял, но его недуг, случайная встреча с приятелем и обычный, ничего не значащий, между делом, разговор стали поворотным пунктом, изменившим весь ход его существования.

День был воскресный, слякотный и безотрадный. Направляясь домой по Оксфорд-стрит мимо «величавого пантеона» (как мило охарактеризовал мистер Вордсворт сие внушительное здание), я заметил вблизи аптекарскую лавку. Аптекарь – этот невольный податель небесных благ и даритель наслаждений! – словно вторя пасмурной погоде, вид имел досадливо-скучливый, что и неудивительно для человека его профессии в воскресенье, и, когда я спросил у него опийной настойки, он с совершенным безразличием и хладнокровием дал мне ее вместе со сдачей, вдобавок достав из

³ Перевод С. Сухарева.

деревянного ящичка и протянув мне нечто, весьма похожее на медную монетку достоинством в полпенни.

Как и множество его современников, Де Квинси восторгался поэзией Уильяма Вордсворта, отсюда и отсылка к «пантеону» – известному дому ассамблей на Оксфорд-стрит. Кто мог догадаться о собственных литературных устремлениях Де Квинси в тот день первого соприкосновения писателя с опиумом!

Проходили месяцы, и студент все чаще отрывался от университетских штудий ради того, чтобы съездить в столицу и побаловаться наркотиком. Прогулки по лондонским улицам и посещения оперы делались еще увлекательнее после принятия дозы, с легкостью приобретаемой в любой аптеке. Нередко он ловил себя на том, что кружит по городу, не смущаясь расстояниями, ибо «приверженный опиуму в счастливом наитии своем времени не замечает и к бегу его равнодушен». Неизбежны были случаи, когда он терялся, не понимая, где находится, но это скорее забавляло, чем огорчало его. В эти веселые первые дни нового его увлечения он еще держал себя в руках и отдавал себе отчет в своих действиях. «Я положил за правило заранее определять, как часто за тот или иной период могу дать себе волю и пуститься в загул, прибегнув к опиуму. Случалось это не чаще чем раз в три недели, ибо в то время, в отличие от последующего, я еще не позволял себе встречать каждый день «рюмкой лауданума – темного, теплого и не подслащенного сахаром».

Лауданумом назывался опиум, растворенный в алкоголе, и употребление его в подогретом вине, равно как и свободная его продажа в аптеках в форме пилюль, подобно тем, что приобретал Де Квинси у аптекаря, в георгианском Лондоне было делом самым обычным, не считалось ни предосудительным, ни постыдным.

В свободном доступе находились такие снадобья, как «Успокоительный сироп матушки Бейли», «Сердечное средство Годфри» или «Черные капли Кендала». Эти и сходные с ними средства, признанные полезными и укрепляющими здоровье, основным ингредиентом своим имели семена мака. Миссис Битон, автор известной книги по домоводству, рекомендовала всем хозяйкам держать в буфете порядочный запас опиума. Перечень приверженных опиуму, который приводит Де Квинси, включает людей в высшей степени респектабельных и творческих: Флоренс Найтингейл, Джейн Моррис, Элизабет Барретт-Браунинг. Среди знакомых, разделявших его пристрастие, Де Квинси называет «красноречивого и великодушного покойного ныне настоятеля...», «лорда...», «философа мистера...», «покойного заместителя министра...» и «множество других, менее известных лиц, перечислять которые было бы слишком утомительно».

Склянка «черных капель Кендала», популярной тинктуры, беспрепятственно продававшейся аптекарями в позднегеоргианскую эпоху

Употребление опиума вовсе не было привилегией высших классов. Де Квинси утверждал, что в родном его Манчестере рабочий люд так быстро пристрастился к опиуму, что субботним вечером аптекари рядами выкладывали на прилавок пилюли в один, два и три грана, готовясь к неизбежному вечернему наплыву посетителей.

Судя по его лондонским эскападам, к чересчур усердным и всецело поглощенным наукой студентам причислить Де Квинси никак нельзя. Перед тем как отправиться в Оксфорд, он пережил период скитаний. Отторгнув от себя родных и друзей, он покинул родной дом и пешком исходил Уэльс. Истратив все деньги, влез в долги в надежде на будущее наследство. Окончились его скитания на Грик-стрит в Сохо в обществе приютившей его проститутки, названной им Анной с Оксфорд-стрит.

Но Де Квинси обладал поистине огромным писательским дарованием. Отправив Уильяму Вордсворту письмо, в котором называл себя большим его поклонником, он завязал дружескую переписку с автором «Лирических баллад» (сборника произведений Вордсворта и Сэмюэла Тейлора Кольриджа с вкраплением стихов сестры Вордсворта Дороти), ставших центральным произведением нового в английской литературе романтического направления.

Завершая свое обучение в университете, Де Квинси блестяще сдал первый экзамен и, разволновавшись, провалил второй. Вскоре после этого он уехал на север, в Озерный край, где поселился близ Грасмира в доме, ныне именуемом Дав-коттедж (Голубиный коттедж), который ранее снимал его кумир Вордсворт.

Когда у Де Квинси водились деньги, он охотно одалживал их своим новым друзьям из Грасмира, но потом, после смерти дочери Вордсворта Кэтрин, с которой Де Квинси сблизился, впал в глубокую депрессию и «нередко просиживал всю ночь возле ее могилы». Потребление им опиума, ранее выражавшееся лишь в отдельных, от случая к случаю, «погружениях в бездну божественного наслаждения», превратилось теперь в ежедневную потребность. Среди экспонатов, и ныне хранящихся в Дав-коттедже, есть и изящные китайские весы XIX века, вырезанные из кости и предназначенные для взвешивания опиумного порошка. Обычно бывает трудно точно определить прошлую принадлежность подобных предметов утилитарного назначения, но в данном случае деревянный ящичек, в котором лежали весы, украшенный инициалами «ТQ», сомнений у нас не оставляет. Судя по всему, использовались весы довольно часто. Находясь в двухстах пятидесяти милях от Лондона, Де Квинси ощущал себя «затерянным в горах. Ну а чем заняться затерянному в горах? Естественно, принимать опиум».

При этом он читал Канта, изучал немецких метафизиков и жил на то, что джентльменами зовется «личным состоянием». Деньги тратил не только на наркотики, но и на дорогие книги. Один из его гостей описал хаос, заполненный «морем немецкой литературы, лавиной покрывавшей пол, столы и стулья. Всюду волнами громоздились книги!».

Но унаследованное Де Квинси состояние не могло удовлетворить всех его нужд. Финансовая необходимость заставила его оставить привычку к собирательству и начать писать статьи и эссе для периодической печати. Работа эта оказалась нелегкой. «Он вечно жаловался мне, – писал его редактор, – что сочиняет *очень медленно*, что работа над языком требует от него особого внимания». Но Де Квинси приходилось проявлять упорство, ибо со временем, после появления у него многочисленных детей, финансовые его обязательства лишь возросли. Он женился на дочери фермера, родившей ему первенца вне брака, после чего у пары родилось еще восемь детей.

В 1821 году, неотступно преследуемый кредиторами, он создал наконец прославившее его произведение – «Исповедь англичанина, любителя опиума», где описал поначалу так радовавшие его причудливые фантазии и грезы, в которые погружал его опиум. Едва ли не мгновенно оно принесло Де Квинси известность. Сказочность этих видений в сочетании с рабской покорностью мерзкой привычке и ужасала и привлекала читателей.

В XX веке слава Де Квинси померкла, его цветистый, полный чувственной словесной игры слог стал казаться выспренным и избыточным, но развившаяся в 1960-х годах контркультура вновь вознесла его на пьедестал как визионера и пример творческого раскрытия художника с помощью наркотика. Желавшие узаконить применение наркотиков ссылались на то, что лучшее из созданного Де Квинси вдохновлено опиумом, что творческая продуктивность писателя возрастала или падала в соответствии с тем, возрастало или падало потребление им опиума.

С другой стороны, сам Де Квинси написал «Исповедь» и для того, чтобы остеречь читателей, предупредив их об опасностях пагубной привычки, рассказать о том, с какими страданиями сопряжены попытки освободиться от зависимости. В решении этой задачи он не был вполне успешен. Соблазнительный пример, им описанный, увлек многих, в числе которых оказался и незадачливый брат сестер Бронте Бренуэлл, пристрастившийся вслед за Де Квинси к опиуму, не принесшему ему, впрочем, творческих успехов. В 1824 году *The Family Oracle of Health* с крайним неодобрением отзывался о том, что «потребление опиума в последнее время значительно возросло благодаря публикации и распространению безумного и абсурдно романтизированного произведения, именуемого «Исповедь англичанина, любителя опиума».

Мы видим, что по последним данным эта зловердная книга всемерно порицается как источник бед, мучений и даже причина самоубийств тех, кто был соблазнен к принятию опиума лживыми баснями о небесных грезах и тому подобной чепухой».

Известность не положила конец бедам Де Квинси. Его успехи на поприще литературы подтолкнули завистников обнародовать тот факт, что один из его детей рожден вне брака. Семейство Де Квинси выселили из дома за неуплату, и жена его угрожала самоубийством. Де Квинси не удавалось удовлетворить требования редакции *The London Magazine*, для которой он писал статьи. Отчаянно нуждаясь в деньгах, Де Квинси принудил себя к написанию эссе для *Blackwood's Magazine*. Среди последних и появилось шутовское, полное холодноватого юмора и творческого блеска «Убийство как одно из изящных искусств».

Эссе Де Квинси, этот «сложный и исполненный мрачной иронии экзерсис», как охарактеризовал его биограф писателя Гревел Линдоп, было опубликовано в феврале 1827 года. Написано оно от лица члена вымышленного лондонского клуба «Общество знатоков убийства», куда входят люди, которые «и не скрывают своего пристрастия к душегубству, провозглашают себя ценителями и поклонниками различных способов кровопролития – короче говоря, выступают любителями убийства»⁴. На своих заседаниях члены клуба обсуждают и оценивают убийства, совершенные разными людьми: «Каждый новый эксцесс подобного рода, заносимый в полицейские анналы Европы, они воспринимают и подвергают всестороннему обсуждению, как если бы перед ними была картина, статуя или иное произведение искусства».

Членов этого общества, подобно самому Де Квинси, в наши дни причислили бы к до ужаса хладнокровным хипстерам. Они отлично знали, что современность требует нового уровня осведомленности во всем, в том числе и в преступлениях. «В наш век, – провозглашал один из предполагаемых протагонистов автора, – когда профессионалы явили нам образцы подлинного совершенства, представляется очевидным, что публика имеет полное право ожидать соответственного улучшения и в стиле их критики».

Начинает свое эссе Де Квинси с описания случая, который ценители из клуба единодушно посчитали разочарованием и досадной оплошностью, так как он не повлек за собой ни единой жертвы.

В мастерской фортепьянного мастера, расположенной опять-таки на Оксфорд-стрит, вспыхнул пожар. Произошло это поблизости от дома мистера Кольриджа, в гостях у которого находился тогда автор. (Ирония состояла в том, что с Уильямом Кольриджем, также опийным наркоманом, прителествовал сам Де Квинси.) Гости поэта, оставив свои чашки с чаем, поспешили к месту пожара. Де Квинси (или же, по крайней мере, лицо, ведущее повествование) к тому времени уже вынужден был покинуть сборище, так как торопился на другую встречу. Несколько дней спустя он поинтересовался у мистера Кольриджа, развлекало ли его зрелище пожара. «А! – проговорил тот. – Хуже некуда: мы все дружно плевались».

Пожарные кареты прибыли без промедления, никто не погиб, убыток понесло лишь страховое ведомство. Де Квинси особо подчеркивает, что мистер Кольридж вовсе не был злодеем или человеком порочным, просто он, как и другие его современники, считал себя вправе вволю «насладиться пожаром или освистать его, как он поступил бы, оказавшись зрителем любого другого представления, которое возбудило бы у публики ожидания, впоследствии обманутые».

Здесь Де Квинси приоткрывает главную идею своего эссе (а также и этой книги): убийство – это «представление, возбуждающее у публики ожидания». Та мысль, что в преступлении, в особенности в убийстве, можно видеть развлечение, родилась лишь в первые десятилетия XIX века, но ей суждена была долгая жизнь и коммерческий успех на годы и годы вперед.

«Искусству убивать» предстояло родить погоню за сенсациями в журналистике, туристические паломничества к местам убийств, торговлю сувенирами и расцвет детективного жанра

⁴ Томас де Квинси. Убийство как одно из изящных искусств. – Здесь и далее цитируется в переводе С. Сухарева.

в литературе. Все это развивалось параллельно успехам цивилизации с ее газовыми уличными фонарями, индустриализацией, урбанизацией – всем тем, что давало возможность ощутить себя в большей безопасности от окружающих угроз. Впрочем, укрывшись за запертыми дверями, уютно устроившись у каминов и задернув оконные шторы, обыватели позднегеоргианской эпохи стали чуть ли не тосковать по насилию и смерти, еще недавно бывшим неотъемлемой чертой повседневной жизни, но, по счастью, уже успевшим перейти в сферу развлечений.

Отныне убийство увлекало, одновременно пугая и ужасая, миллионы обывателей, которым, подобно Кольриджу, следовало бы найти себе занятие получше. Как писал сатирический журнал *Punch*, роману-триллеру надлежало «давать работу уму, мучая его загадками, вызывать мурашки, поднимать дыбом волосы читателя, сотрясать его нервную систему и порождать у него стойкое неприятие скучной прозы обыденного существования».

Мысль, что убийство и удовольствие переплетены чудовищно и неодолимо, укоренилась в современном сознании, заняв в нем важное место. Впервые внушил нам ее отупевший от наркотиков, согбенный под грузом долгов и ненадежный в своих моральных убеждениях изгой и отщепенец. Хотя, разумеется, иной раз он становится, выражаясь его словами, «человеком со стороны», чуждым своему окружению одиночкой, обладающим особой проницательностью и независимостью по отношению к общепринятым взглядам. Томас Де Квинси выявил и указал нам совершенно новый тип поведения. Он упер в него палец, пригвоздил к странице и, сатирически обрисовав, полностью и недвусмысленно осудил. Вопреки видимости, он выступил в своем эссе решительным противником «питающихся преступлениями» и воспринимающих их как род искусства.

Определил он и точку, положившую начало переменам, – леденящие кровь события 1811 года, убийства на Рэтклиффской дороге.

2

Большая дорога

*Убийство! Убийство! Спешите сюда! Глядите, какое
смертоубийство тут произошло!*

Сосед обнаруживает трупы членов семьи Марр (8 декабря 1811 года)

Вплоть до самого конца XVIII столетия отношение к убийству было иным. Разумеется, преступление это существовало. Но, по свидетельству историка Джудит Фландерс, в 1810 году из почти десяти миллионов британцев за убийство были осуждены лишь пятнадцать человек. Неудивительно поэтому, что ни полиции, ни сыска в нашем понимании тогда в стране не существовало. В восточной части Лондона, в Уоппинге, располагалась протополицейская часть, которая и занималась расследованием самых первых «знаменитых», то есть громких и чудовищных убийств. Де Квинси превозносит в своем эссе убийства на Рэтклиффской дороге, видя в них блеск и совершенство исполнения, максимально возможное в такого рода делах.

Сегодня Рэтклиффская дорога ревет гудками бесчисленных машин, вереницами устремляющихся в город со стороны доков. В один из январских дней в предвечерний час, закончив работу в Тауэре, я отправилась в Уоппинг, желая отыскать дом, где в 1811 году были злодейски убиты Тимоти и Селия Марр, их младенец сын и мальчишка-подручный.

В том году принц Уэльский, будущий Георг IV, был назначен принцем-регентом, когда стало ясно, что его отец Георг III окончательно впал в «безумие» и маразм. В южных штатах Америки восставали рабы, британцы отражали натиск наполеоновской армии в Испании, а непосредственно у них дома, в центральных графствах Британии, работавшие вручную ткачи, так называемые луддиты, яростно сокрушали повсеместно вводившиеся в производство и лишавшие их средств к существованию машины. Иными словами, время было бурным и нестабильным.

Уоппинг представлял собой беспорядочное нагромождение ветхих жилых зданий, где обитали люди, служившие на соседних верфях, – моряки, кораблестроители и ремонтники, поставщики провианта или те, кто готовился ими стать. Нравы здесь царили жестокие. Созданная в 1798 году как одна из первых независимых служб профессиональных полицейских морская, или же речная, полиция Темзы призвана была решить проблему краж и ограблений судов, стоявших в лондонском Пуле. Полицейские бороздили реку на патрульных лодках, вооруженные ружьями и кортиками. Один из уголков Уоппинга получил название «Док висельников», так как именно там выпускали дух на виселице пираты.

Бомбардировки Второй мировой войны уничтожили почти все следы былой инфраструктуры этого района, но по обеим сторонам улицы, именуемой Мусорным холмом, все еще высятся мрачные, увенчанные лебедками здания бывших пакгаузов, переделанных в многоквартирные дома. О связи этого района с мореплаванием свидетельствуют таблички с названиями улиц: Табачный док, Ромовый тупик, Коричная улица. По свидетельству анонимного рассказчика из посвященного убийству эссе Де Квинси (признанного источником не слишком надежным), в Уоппинге времен Регентства «заезжим иностранцем мог считаться чуть ли не всякий третий. Матросы-индийцы, китайцы, мавры, негры попадались на каждом шагу». Вдобавок ко всем этим сомнительным, как считалось, пронырам-чужеземцам район «служил надежным прибежищем для самого разношерстного преступного сброда, имевшего веские основания хоть на какое-то время укрыться подальше от зорких глаз правосудия».

Я двигалась в восточном направлении, и цель моей прогулки вкупе со сгущающейся толпой вокруг усиливала ощущение угрозы. Следуя вдоль Рэтклиффской дороги, я миновала *Secrets*, клуб любителей танцев на столе, по верху кирпичных стен там тянулась колючая про-

волока, а гигантских размеров горящая огнями афиша рекламировала новый телеспектакль «Мрак будущего». Когда я вытащила карту, чтобы узнать, где находился дом номер 29, в котором жили Марры, она вспыхнула алым светом, отраженным от вывески Автомобильного рынка. Меня чуть не сбила с ног выходящая из круглосуточного «Макдоналдса» при автозаправке женщина с коляской. Карта показала, что я у цели.

Весь этот непростой, полный превратностей путь я проделала, обуреваемая той болезненной тягой к наблюдению и изучению убийств, которую в нас учуял и осудил Де Квинси. Но, идя по выщербленным тротуарам темных пустынных улиц, я чувствовала, что и храбрость, и юмор начинают мне изменять. В наши дни Уоппинг перестал быть местом опасным. Сейчас район этот известен как газетный центр, как место, где в 1980-х годах любили селиться яппи и где расположен один из супермаркетов *Waitrose*. Но воспоминание о произошедшем здесь злодеянии погружает в уныние, рождая опасливую настороженность.

Первое из рэтклиффских убийств случилось поздним вечером 7 декабря 1811 года. История их, как тогда думали, завершилась, ко всеобщему удовлетворению, смертью предполагаемого убийцы – Джона Уильямса. В том же месяце он был схвачен и покончил с собой, повесившись в тюремной камере через три дня после Рождества. Морская полиция, местные стражники, констебли и власти в целом вздохнули с облегчением, услышав о его кончине. Казалось, теперь, когда пойманного преступника больше нет, на улицах вновь воцарится мир и покой и, значит, правосудие все-таки торжествует.

Была устроена впечатляющая демонстрация мертвого тела Уильямса жителям Уоппинга. В канун Нового года состоялось погребение. Огромная толпа, насчитывавшая, как говорили, 180 тысяч, выстроилась вдоль Рэтклиффской дороги, чтобы увидеть, как проедет повозка с телом. Гравюры тех лет запечатлели картину – труп в двуколке, выставленный на всеобщее обозрение, стража по бокам, вооруженная дубинками, и море голов – людей, толпящихся на тротуарах, припавших к оконным стеклам. Рядом с телом Уильямса были выставлены и орудия преступления – лом, стамеска и инструмент, который корабельные плотники именуют молотом.

Процессия сделала пятнадцатиминутную остановку возле дома номер 29, где погибло семейство Марр. Кто-то из толпы влез на повозку и обратил голову трупа в сторону дома его жертв, чтобы он мог лицезреть дело рук своих. Затем тело отвезли на перекресток, то есть к месту, где и принято хоронить самоубийц. Там на стыке новой Коммерциал-Роуд с Кэннон-стрит тело «вывалили на землю», опустили в яму и «кто-то проткнул колом его грудь в том месте, где находится сердце».

Последнее сделано было для того, чтобы беспокойный дух мертвеца не принялся бродить, покинув могилу. Правдивость изложенного, по-видимому, подтверждается находкой 1886 года при прокладке газовых труб. Копая траншею на том самом перекрестке, рабочие извлекли из земли скелет, лежавший на глубине шести футов лицом вниз и проткнутый колом в области сердца.

И все же, несмотря на все старания властей положить конец этому делу и утихомирить публику, современный взгляд на рэтклиффскую трагедию не может не поразить слабость доводов следствия, обвинившего в преступлении Уильямса. Даже премьер-министр Спенсер Персиваль признавал, что вину его «окружает смутное облако тайны. Не может не удивлять и не казаться странным количество зверств, совершенных одним-единственным человеком».

Так что же молва приписала Уильямсу и в чем состояли недостатки доказательной базы?

* * *

Тимоти Марр и его семья занимали помещение над лавкой в доме номер 29 по Рэтклифф-Хайвей. Над прикрытым ставнями эркером дома красовалась вывеска: «Торговля

Марра. Шелка, галантерейный товар, кружева, плащи, шубы, меха». Марр был моряком, лишь недавно, в возрасте двадцати с лишним лет, занявшимся торговлей мануфактурой. Его двадцатидвухлетняя жена Селия лишь за три месяца до того родила мальчика и не совсем оправилась после родов. Подручному хозяина было всего тринадцать лет. Имелась у них и служанка – некая Маргарет. Когда время уже близилось к полуночи (субботы были днями получек, и посетителей лавке хватало), Тимоти Марр послал Маргарет купить устриц для семейного ужина.

Устрицы в Лондоне времен Регентства еще не успели стать деликатесом и продавались повсеместно как дешевая и вкусная еда. Но в такой поздний час Маргарет не без труда отыскала нужную лавку, которая была открыта. Вдобавок ей надлежало еще и заплатить булочнику. Вернувшись, она нашла дом запертым – все словно уснуло, и ей предстояло провести ночь на улице.

В своем эссе Де Квинси живописует готически ужасную картину: как служанка Маргарет (называемая им Мэри), стоя в полночь перед запертой дверью, напрягает слух и вдруг слышит... нечто.

Да, вот, наконец, ответ на ее заклинание! Со ступеней лестницы – но не кухонной, а той, что вела наверх, к спальням, послышался скрип. А потом – отчетливые шаги: один, другой, третий, четвертый, пятый: кто-то спускался по лестнице вниз. И эти жуткие шаги все приближались: кто-то шел по узкому коридорчику к двери. Затем шаги – о боже, чьи, чьи шаги? – остановились. Мэри слышала лишь дыхание чудовища, прервавшего дыхание всех живых существ в доме. Его и девушку разделяла одна только дверь.

Подобная сцена могла бы украсить любой триллер, созданный между 1811 и 2011 годами. Смутное ощущение непонятно откуда явившейся опасности, убийца, сумевший таинственным образом *проникнуть* в надежное жилище с его повседневным, будничным укладом, и беззащитная девушка, в немом ужасе вслушивающаяся в приближающиеся шаги, способны взволновать и напугать современного читателя не меньше, чем внушали страх и щекотали нервы читателям Де Квинси.

Маргарет колотила в дверь, и эти звуки потревожили жившего по соседству с Маррами ростовщика. Он перелез через ограду, отделявшую сад позади дома Марров от его сада, и увидел, что задняя дверь Марров открыта, убийца (или же убийцы) скрылись, оставив след. Узенький проход «был обильно залит кровью – и к порогу никак нельзя было пробраться, не запачкавшись в ней». Отец, мать, подручный и младенец – все оказались зверски убиты. Орудие убийства, по-видимому, послужил заляпанный кровью плотницкий молот, обнаруженный в кухне.

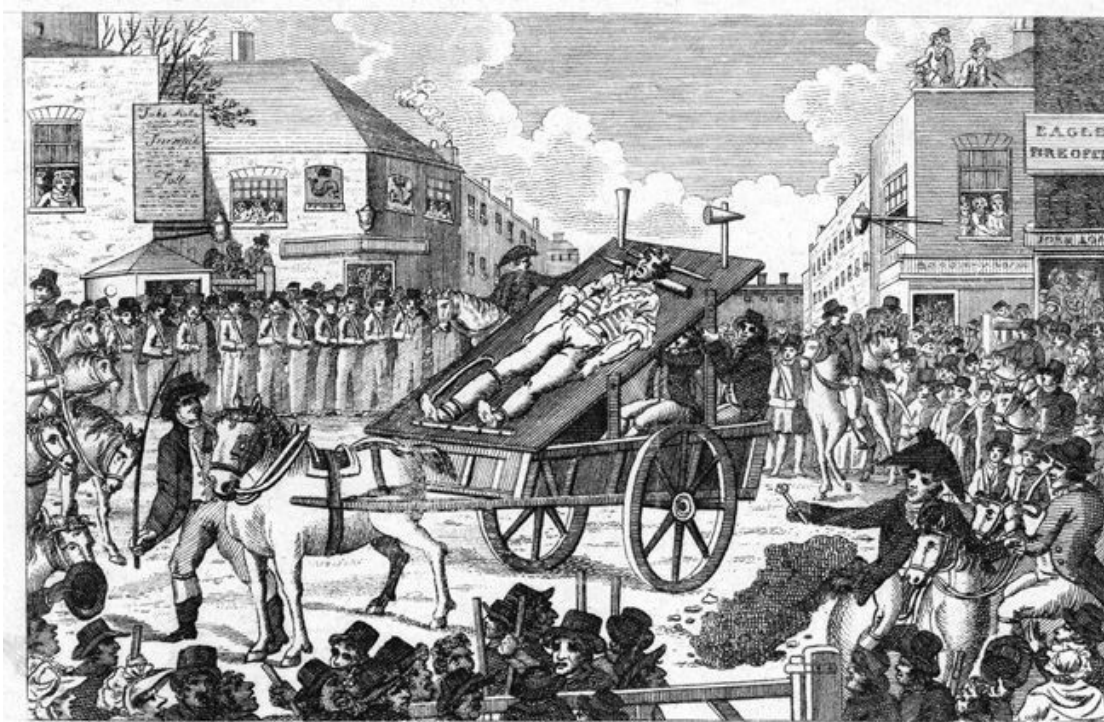
Но начиная с этого момента все пошло кувырком – следствие повели неправильно. Была вызвана полиция Темзы, но за официальными дознавателями в дом толпою повалили любопытствующие – зеваки, жаждавшие увидеть убитых, лежавших в своих кроватях. На месте преступления появились посторонние следы. Ну а сохранившиеся улики следователи не смогли квалифицированно изучить: двенадцать дней им потребовалось, чтобы разглядеть на кувалде инициалы *J. P.* Полиции Темзы остро требовались свидетели, а таковых так и не нашлось. Но когда за информацию, проливающую свет на события той ночи, предложили вознаграждение, она тут же, и весьма кстати, появилась. Исходила она от женщины, чей супруг сидел в долгой тюрьме, почему ей позарез и нужны были деньги. Женщина эта содержала неподалеку постоянный двор «Грушевое дерево» и свидетельствовала, что у нее останавливался некто Джон Питерсен, то есть человек, чьи инициалы совпадали с инициалами на кувалде. В момент убийства Питерсен находился в море, но инструменты его оставались в доме. Другой жилец, Джон Уильямс, имевший к ним доступ, на следующий после убийства день чисто побрился и, как люди видели, что-то делал во дворе у насоса – возможно, замывал забрызганные кровью чулки.

Но информация эта поступила слишком поздно, чтобы вспугнуть Джона Уильямса (если преступником и вправду был он) и предупредить следующее злодеяние. Через двенадцать дней после первого убийства, уже в другом месте, в таверне, находившейся на теперешней Гарнет-стрит, произошло еще одно кровопролитие. Тихая и респектабельная таверна закрылась в одиннадцать часов вечера. Ее хозяин Джон Уильямсон, жена хозяина Элизабет и их служанка Бриджет отошли ко сну, когда улицу всполошило появление полуголого человека, спускавшегося с верхнего этажа по скрученным простыням. Это был Джон Тернер, постоялец Уильямсонов. Лежа в постели, он услышал вопли служанки и как кто-то барабанил в дверь. Затем раздались стоны хозяина и леденящие кровь слова: «Я мертвец!» Снизу доносились зловещие звуки чьих-то шагов. Крадучись по лестнице, Тернер увидел высокую фигуру, склонившуюся над распростертым телом миссис Уильямсон. Ужасная картина заставила его кинуться обратно и спастись через окно. Удивительно, но малолетняя, всего четырнадцати лет от роду, внучка Уильямсонов проспала всю ночь и осталась целой и невредимой.

Второе смертоубийство, произошедшее так близко от места, где случилось первое, вызвало волну ужаса и паники. Страх, охвативший теперь лондонцев, приобрел иной оттенок: к нему примешивалось подозрение, что никакие замки, запоры и оконные ставни не способны оградить от рыщущего по городу убийцы, без труда проникающего в жилища мирных, законопослушных граждан и без всякого повода и жалости творящего над ними расправу. В сельских сообществах, откуда вышли многие из них, каждый знал своих соседей. Здесь же, в портовом районе, на темных, многолюдных, кишачих непонятным, неведомо откуда взявшимся народом улицах, за каждым углом таились новые опасности и угрозы.

* * *

Учитывая обстоятельства этого преступления, не стоит удивляться желанию властей поскорее разделаться с ним – объявить раскрытым и забыть. По мнению современного мастера детективов Филлис Дороти Джеймс, расследовали и закрыли это дело, до неприличия поспешно, с единственным намерением – успокоить публику. Джона Уильямса взяли под стражу, поскольку он имел доступ к орудиям убийства, а на следующий после убийства день вел себя подозрительно. Ходили также слухи, что с первой жертвой, Тимоти Марром, он служил некогда на одном корабле и они часто ссорились. Однако основания для обвинений против него были весьма шаткими. К счастью для судебных, после недели заключения Уильямс повесился, тем самым как бы признавшись в содеянном.

Тело Уильямса везут по улицам Уоппинга. Слева от него выставлено предполагаемое орудие убийства – молот

Полиция поспешила объявить, что убийца пойман. Но не всех удовлетворил такой финал. Ходили слухи, что порешил себя Уильямс не сам: перед своей гибелью он пребывал в хорошем расположении духа, а смерть его казалась слишком уж на руку властям, желавшим успокоить население и восстановить порядок. Демонстрация трупа Уильямса и стала открытым заявлением о том, что панику следует прекратить, ибо преступник определенно мертв и обезврежен.

При этом вопросы относительно виновности Уильямса и способов ведения дела у публики все не заканчивались, что продолжало тревожить и власти. Рэтклиффские убийства выявили существенные недостатки в организации системы безопасности. Добиться мгновенных изменений в этой области тогда не представлялось возможным, но эти преступления поспособствовали началу хоть и медленного, но все же преобразования системы обеспечения общественной безопасности, что заложило фундамент построения новой, хорошо скоординированной структуры полицейского надзора.

В то же время лондонцы, как и британцы в целом, с жадностью поглощали подробности этой криминальной истории. О ней столько писали, что она вправе претендовать на звание первой из современных медиасенсаций. Жажда информации об этом случае породила новый жанр журналистики – газетные репортажи об убийствах с их небрежностью в освещении фактов, живописным выпячиванием чудовищных и скандальных подробностей и откровенным игнорированием всего, способного помешать поспешным выводам.

Стараниями Де Квинси заурядный (и, весьма вероятно, несправедливо обвиненный) моряк превратился в харизматичную и в некоторой степени эксцентричную фигуру. Пародируя общепринятые представления о преступнике, он описывал Уильямса как человека трупного облика, со зловещими нотками в голосе и вкрадчивой змеиной повадкой. Бескровное лицо его сохраняло мертвенную бледность, волосы «имели необыкновенный ярко-желтый цвет, напоминающий кожуру не то лимона, не то апельсина», и «в жилах у него текла не алая кровь, способная залить щеки краской стыда, гнева или жалости», а «зеленоватая жидкость вроде сока растений, несовместная с током, что исторгает человеческое сердце».

Нарядил он своего героя «в широкую синюю накидку из ткани отменного качества на дорогой шелковой подкладке» и наделил манерами преувеличенно вежливыми, так что, если бы ему случилось по пути к месту преступления, «пробираясь субботними вечерами сквозь толпу, обычную для бедных окраин, невзначай толкнуть встречного, он непременно рассыпался бы в самых галантных извинениях». Словом, с истинным Джоном Уильямсом, грубым и неотесанным порождением лондонских доков, герой Де Квинси не имел ничего общего. Уж скорее он смахивал на Ганнибала Лектора.

Из немногих известных деталей этого убийства, страха и домыслов был слеплен и начал свою жизнь полностью вымышленный романский образ убийцы.

3

Стражи правопорядка

Один писал роман, другой изучал политику, третий погрузился в богословие, четвертый обсуждал проходивших мимо девиц, пятый грыз перо, корпя над незаконченной рифмой, шестой нес всякую чушь о жизни доктора Джонсона.

The Examiner (1811) раскрывает истинные увлечения лондонских судейских, призванных заниматься ловлей преступников

Куда же смотрела полиция?

В то время как служанка Марров Маргарет колотила в дверь дома номер 29, мимо проходил местный ночной стражник. Звали его Джордж Олни, и, совершая каждые полчаса свой обход, он не мог миновать дома Марров. Присоединившись к Маргарет, он также принялся стучать в дверь. Поднятый ими шум разбудил проникшего в результате в дом Марров соседа.

Первым полицейским, вызванным к месту происшествия после обнаружения трупов, был Чарльз Хортон, служивший в полиции Темзы, небольшой независимой организации, в обязанности которой входила поимка преступников в доках и на реке. В музее полиции Темзы, размещившемся в полицейском участке Уоппинга, сохранилось его персональное досье. В нем зафиксированы и дата поступления на службу Хортона, и его местожительство у некоей миссис Робинсон, булочницы. В досье помечена и выдача ему верхнего платья, не форменного в строгом смысле слова, но пригодного для несения службы на реке. Снабжен он был также кортиком для самозащиты и парой наручников (по всей видимости, задерживать изрядное число женщин полиция Темзы не планировала: все относящиеся к XIX веку и хранящиеся в музее наручники, которые я примеряла, оказывались слишком большими для моих рук, легко из них выскальзывавших).

Хортон ограничился изъятием окровавленного орудия убийства и доставкой его в полицию (при этом внимательно он его не осмотрел, иначе заметил бы инициалы). За информацию о преступлении полиция Темзы обещала награду. Мера эта оказалась не вполне успешной: она привела к задержанию Джона Уильямса, хотя не исключено, что нуждавшаяся в деньгах хозяйка таверны свидетельствовала против него только ради вознаграждения.

Впрочем, при тогдашнем состоянии полицейской службы на лучшее рассчитывать и не приходилось. Население районов менее крупных, современных и сложных, чем Уоппинг времен Регентства, порядок обеспечивало собственными силами. Когда кого-то из жителей обвиняли в преступлении, соседи являлись в суд, чтобы опровергнуть или поддержать обвинение, в зависимости от того, как вел себя человек в прошлом. Иными словами, в расчет принимались не доказательства, а репутация – хорошая либо дурная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.